

*Константин
Рублёв*

доцент кафедры русской филологии
Государственного университета
и.м. Шакарима. г. Семей

ПРИГОРОДНЫЕ ПОЭТЫ

Шла защита дипломной работы на филфаке Семипалатинского пединститута на тему «Литературное краеведение. Творчество Евгения Титаева». Предмет, объект и материал студенческого аттестационного исследования: поэт, журналист, краевед, драматург и писатель-сказочник Евгений Титаев, известный не только в своем городе, присутствовал при процедуре в качестве почетного гостя.

Научный руководитель, желая обосновать значимость темы выпускной работы, сослался на страницу биографии нобелевского лауреата Иосифа Бродского: «В США есть должность – *поэт при университете*. А наш Евгений Алексеевич – *поэт при городе!*»

Евгений Титаев, щедро наделённый чувством юмора и чутьём к слову, мгновенно среагировал: «Вот, вот! *Пригородный поэт!*»

Так ироническая игра слов неожиданно обозначила явление и проблему, актуальную тему региональных литературоведческих изысканий и важную составляющую «регионального компонента» на школьных уроках русской литературы. Её суть – место и роль поэтов и писателей «местного масштаба» в культурной и духовной жизни страны, только вступившей в третье десятилетие своего самостоятельного существования и нет-нет да мучимой «фантомными болями» своей прежней истории как части огромной империи, ныне оставшейся в историческом прошлом:

*Тоскую по стране, которой нет,
По Атлантиде той, что погрузилась
На дно времен...*

Этим строчкам Любови Бароховской вторит другой семипалатинский поэт Александр Кузнецов, горько вопрошающий потомков устами фронтового поколения:

*«Что ж вы сделали, дети с внуками,
Со странною, что мы спасли?!»*

Строго говоря, поколение «пригородных поэтов», рожденных в 50-е годы, немолодо уже – это и есть дети «поколения победителей». Печально-нежные строки поэта посвящены «...им, обретшим с тех пор покой / Под надгробьями не помпезными / С неизменной вверху звездой, / Иль идущим сейчас по улице / За лекарством ли, калачом... / Пусть под бременем лет сутулятся, / Слава богу – меж нас еще!».

Из совокупных строк поэтов, которым сейчас 60 плюс-минус пять лет, складывается образ родного города, место которого определено перекрестьем магистралей водной и железной: сотворенного Божьим промыслом Иртыша и рукотворного Турксиба. Этот образ в лучших стихах лишен пафосной велеречивости – самые одические стихи о нем искренне-взволнованные, как стихотворение «Семипалатинск», написанное Александром Кузнецовым почти сорок лет назад, но опубликованное заметными тиражами буквально в последние годы:

*Семипалатинск, Родина моя!
Пусть нет в тебе столичного размаха, –
Из Иртыша есть пояс у тебя,
Из бора – шапка, из степи – рубаха,
И есть душа...*

Какой бы ни была интонация в стихах, посвященных городу на Иртыше, они всегда пронизаны чувством любви и преданности. У Кузнецова – юношески страстная декларация:

*Свою судьбу навек с твоей сплетя,
В любви сыновней вновь хочу признаться:
Я счастлив тем, что я – твоё дитя!
И в том тебе не нужно сомневаться!*

В написанной много позже элегии Л.Бароховской – полынно-мудрое признание:

*Мой город на семи ветрах,
Семи печалях!
Степь на неласковых руках
Тебя качала.
Печальный степи аромат
Полынно-горек.
Ты словно в чем-то виноват,
Мой грустный город.
Ты будто пасынок в семье,
Степной подкидыш.
Как горько мне в твоём седле –
Нет сил покинуть...*

В трагический регистр переводят образ города строки публицистического стихотворения «Жертвам ядерных испытаний» покойного патриарха семипалатинской поэзии Вячеслава Кобрин, основанные на многозначности слова «рак»:

*Здесь сорок лет от молний полигонных
Сгорали в пепел небо и земля...
Семипалатинск – город обреченных...
Здесь жизнь уходит за предел нуля...
...Здесь ощутимо излученье мрака...
Несправедливо как устроен свет:
Мы умираем под созвездьем Рака –
Для нас других созвездий просто нет...*

Кроме поколенческого признака творчеству поэтов, которым посвящена эта статья, свойственна еще одна очень характерная черта: приверженность тем уголкам Семей-Семипалатинска, где таится его душа: окраинам, предместьям и окрестностям, где в жилищах, по известному выражению, господствуют не роскошь и комфорт, а хозяйствует уют.

Владимир Сулыгин пишет в стихотворении «Турксиб» о сопредельных городу километрах темир жолы:

*Посмотри, как неярки жилища –
Силикат, шлакоблок и саман!
Что здесь сердце обрящет, отыщет,
Проницая холодный туман?*

*Как ни странно, но в этой пустыне,
«Челноками» прошитой насквозь,
Ты услышишь в чарующей сини
Весть Благоую кочующих звезд.*

Александр Кузнецов вспоминает своё «детство давнее, остров Лодочный, / Дом на улице “Речников” / с палисадами аккуратными, / Близ окраины городской, / Между дамбой и “Перекатною”, / И “Буксирною” с “Пристанской”».

В лирике Евгения Титаева, изрядного архаиста и ревнителя вечных духовных ценностей, любовное чувство трактуется как привязанность, верность и преданность, а не как неудержимая страсть: древнерусское житие Петра и Февроньи вдохновляет поэта, а не романы нового времени. Вот и в стихотворении «Люблю» о чувстве давнем, но не одряхлевшем, метафорой любви служит «ветхий дом с прорехами на крыше, / темных бревен хмурые ряды». Но после нехитрых стараний проживших долгие годы в любви и согласии деда да бабки – крышу починить да «этажок подвальный» побелить, – «освежился домик в одночасье, встрепенулся, окна расцвелит. – Поживем еще чуток, Настасья! – А чего ж не жить, хватило б сил!..». Так один из пазлов, слагающих поэтическую картину любимого города, под пером Евгения Титаева становится философическим иносказанием: «...Бережно сияла на закате / вечность под названием ЛЮБЛЮ».

Перебирая стихи семипалатинских авторов, можно составить «поэтическую карту» города и пометить на ней лирические топосы – места городского и пригородного пространства, любимые горожанами, ценимые гостями и вдохновляющие поэтов. Назовем самые заметные из них.

Глубокий овраг в реликтовом сосновом бору – почти каньон, едва ли не фьорд, прорезающий крутой правый берег Иртыша, – исстари известен как Святой ключ. К этому красивейшему и сакральному месту в окрестностях города совершают паломничество сотни и тысячи людей разных национальностей и вероисповеданий. Приводит их сюда не только прагматичная цель запастись родниковой водой, слывущей целебной, но и необъяснимое желание прикоснуться к вечности...

Сейчас, когда минули времена воинствующего безбожия, к живительному источнику вместо прежней шаткой деревянной лестницы нисходят металлические ступени, бесхитростно окрашенные голубой краской. Над источником из кровельных листов и водопроводных труб сооружена контурная часовня, крашенная той же краской цвета неба.

В 2006 году Евгений Титаев опубликовал замечательное стихотворение «Святой ключ». В поэтическом сознании автора сварные конструкции преобразуют заветный уголок природы в Божий храм: «*И я спускаюсь, словно бы в купель, / По лестнице, окрашенной небесно*». Оксюморон «*Студеная вода гортань ожгла*» передает чудодейственную силу ключевой воды.

Густая византийская красочность стихотворения Владимира Сулыгина «На Святом ключе» передает чувства, которые вызваны не только природой этого священного, исцеляющего источника, но и красотой окружающего его знаменитого ленточного бора:

*Красно-коричнев обрыва гиматий,
золотом клавиа светится бор.
В дольном свечении солнечных пятен
Вещее слово нисходит в простор.*

Поэтическому взору Владимира Сулыгина глинисто-песчаный обрыв в бору видится древним античным плащом гиматием, а золотящаяся в лучах солнца сосновая кора напоминает столь же древний клавиий – золотого плетения пояс.

Сулыгин – поэт православный. Для его художественного мышления совершенно естественен кажущийся неожиданным поворот поэтической мысли в стихотворении «В речном порту»:

*Упёрты краны в небосвод.
Реальность сурика и фермы –
Всего лишь знак людской, испод
Непостижимой божьей сферы.*

Жесткая вертикаль портовых сооружений вызывает у поэта вовсе не индустриальные ассоциации, а высокие, воистину божественные устремления.

На самом перекрестье Иртыша и Турксиба, под высокой насыпью у железнодорожного моста открывается нарядная часовня, построенная более столетия назад и изначально освященная во имя Великомученика и Целителя Пантелеймона. В пору молодости поэтов «пригородного» поколения она разоренной и заброшенной нищенкой пряталась в той же низине. Нынче, возвращенная церкви, восстановленная и заново освященная именем Николая Чудотворца, она стала лирическим поводом для философской по сути стихотворной миниатюры Евгения Титаева:

*В часовенках нет алтарей.
Там службы не пышны как будто.
Читает часы иерей,
Снимая житейские пути.
Старушек притихших пяток,
Забредшая в дождичек пара
И полубездомный дедок
В жестоком плену перегара.
Господь подсобрал их не зря,
Волнуя духовные вежды.
В часовенке нет алтаря,
Лишь блёсточка вящей надежды.*

Поэтическая мысль стихотворения высечена контрастом между скромностью богослужения, скудостью присутствующих на нем – и величием открывающейся перед духовным зрением «вящей надежды».

Иртыш – давний объект поэтического восхищения в русской поэзии и актуальный предмет этической озабоченности в стихах поэтов «пригородного» поколения.

Знаменитой русской народной песней стали стихи Кондратия Рылеева, написанные почти двести лет назад:

*Иртыш кипел в крутых берегах,
Вздымалися седые волны...*

Столетием позже непокорное величие Иртыша подчеркивал Павел Васильев – крупнейший русский поэт советской эпохи родом из Прииртышья:

*Река просторной родины моей,
Просторная,
Иди под непогодой,
Теки, Иртыш, выплескивай язей –
Князь рыб и птиц, беглец зеленоводый.*

Иртыш, пробирающийся между островами и берегами, по-прежнему прекрасен – но все больше отмелей, выбравшись из его пучины, добавляют реке живописности, став заросшими зеленью островами, – при этом частицу за частицей отбирая у его бывшего могущества.

Стихотворение Е. Титаева «Семипалатинка» – не об Иртыше, а об одном из бесчисленных его рукавов, о протоке, вверх по течению от центра до дачных окраин отрезающем город от Полковничьего острова. И протока, для купания более пригодная, чем стремнина главного русла, и остров Полковничий с его Биологическим центром, зоопарком по сути, куда семьями и целыми детскими коллективами валом валят семипалатинцы, – те самые «топосы», где приоткрывается душа города.

Немаловажно, что именно остров избран для сооружения мемориального комплекса «Сильнее Смерти» в память о жертвах ядерных испытаний.

Уже отмечалось метонимическое мастерство Титаева – умение через часть раскрыть образ целого, его суть и судьбу. Вот и здесь:

*Была протока крутобока,
Полна достоинства без гонора,
Не зная устьев и истоков,
В себя вобравши имя города.*

*Текла не струйкой эфемерной,
Дочь Иртыша – чего уж скромничать.
Служил левобережьем верно
Ей остров тополей Полковничий.*

Для контраста приведем строки из славного стихотворения «Иртыш весенний» автора поколением помоложе – Татьяны Мирошниковой, бравурно-лубочные и неудержимо радостные:

*Вскрылся, батюшка? Ну, здравствуй,
Мой проснувшийся Иртыш!
Как ты весело горласто
Полноводием бурлишь!*

А Евгений Титаев продолжает о «дочери Иртыша»:

*Мы промотали неумело
Тот облик прежний, замечательный.
Река мелела и мутнела.
И обомлела.
Окончательно ль?..*

Можно увидеть в заключительном четверостишье уступку лирического чувства напору публицистической страсти:

*Не за горами и лесами,
Средь разобщенных – разобщенная...
Спасём её – спасёмся сами.
У нас так много неспасённого.*

Не экологическая дидактика – и она, конечно, тоже! – составляет смысл стихотворения. Оно – о спасении души: реки, города, человека.

Не создалось ли впечатление, что поэты «пригородного» поколения ищут лирические поводы к своим стихам в укромных уголках и на маргинальных пространствах города – вместо того чтобы воспевать его проспекты, площади, парки и памятники?

Что поделаешь: душа застенчива, она ютится в сокровенных местах, не выставляет себя напоказ, будь это душа города или человека. Поиски души – главное устремление семипалатинских поэтов, рожденных в пятидесятые годы.

Но футуристический подвесной мост, воспаривший над Иртышом в год Миллениума, конструктивно подобный вантовым гигантам Нью-Йорка, Сан-Франциско и Стамбула, в спокойном городском пейзаже кажущийся неправдоподобным инновационным штрихом, тоже стал одним из поэтических топосов Семипалатинска. Теме стихотворения А. Кузнецова «Мост», «*что прочной цепью / перечеркнул речную ширь, / Трамплином из Сибири в степи, / Трамплином из Степей в Сибирь*», предпослана прелюдия, вписывающая устремленное в будущее сооружение в обратную перспективу исторического прошлого:

*Быть может, здесь, – где ныне «форды»
Да «волги» шинами шуршат, –
В минувшем давнем гуннов орды
На берег вышли Иртыша.*

*А может, войско Чингисхана,
Увидеть в свой черед стремясь,
Как солнце тонет в океане,
Коней купало – где сейчас*

*Пилоны, словно исполины,
Коснулись неба головой...*

Историк по образованию и образу мысли, А.Кузнецов, в свое время побывавший и комсомольским вожаком, и учительствовавший, нашел себя в букинистическом бизнесе. Поэтому лучше всего его характеризует эпиграмма, стилизованная под четверостишие символиста Валерия Брюсова, посвященное древнеримскому поэту Вергилию. Вот оно:

*Пастырь, оратай, воин
Пас, возделывал, низил
Коз, огород, врагов
Веткой, лопатой, мечом.*

А вот характеристика букиниста Кузнецова:

*Поэт, книголюб, торговец
Писал, читал, спасал
Буквы, слова, книги
Пером, душою, теньгой!*

Углубленный в свой внутренний мир, Владимир Сулыгин занимается наружной рекламой.

Ближе всего к статусу профессионального автора подошел Евгений Титаев: перо кормило его на протяжении двух третей жизни, но это был нелегкий промысел журналиста, газетная подёнщина. В последние лет двадцать он издал несколько книжек, печатался в российской периодике и русскоязычных сборниках в Германии, составил два альманаха «Семипалатинская лира». Подборки его стихов многократно выходили на страницах республиканского «Простора».

Собственно, этот журнал на протяжении последнего десятилетия приветил всех «пригородных» поэтов Семипалатинска. А лет тридцать-сорок назад становилась событием каждая строчка, которую удавалось напечатать – пусть даже в многотиражке мясоконсервного комбината объемом в один листок газетного формата, но с исполинским названием «Мясной гигант».

В заключение приведем строки Александра Кузнецова, смысл которых и шире, и глубже того, что открывается на поверхности. Нужно только еще раз увидеть в них образ-метонимию: родимый дом – частица! – представляет за целое – родной город, с его рекой и бором, островами, мостами и протоками, степью и дорогами:

*...И снова вспомнил я родимый, милый дом,
И снова ощутил всем сердцем, клеткой каждой,
Что есть на свете место, на каком
И жить светло, и умереть не страшно...*

